

17. Prior, M. Visual political knowledge: A different road to competence? // Journal of Politics. – 2013. – 76(1). – P. 41–57.
18. Searles K., Fowler E. F., Ridout T. N., Strach P., Zuber K. The Effects of Men's and Women's Voices in Political Advertising. // Journal of Political Marketing. – 2020. – 19:3. – P. 301-329
19. Stenberg, G. Conceptual and perceptual factors in the picture superiority effect. // European Journal of Cognitive Psychology. – 2006. – 18(6). – P. 813–847.
20. Whitfield, G. On the concept of political manipulation. – European Journal of Political Theory, 2020. – 25 p.
21. Witten, I. B., Knudsen, E. I. Why seeing is believing: Merging auditory and visual worlds. // Neuron. – 2005. – 48(3). – P. 489–496.

MANIPULATION TECHNIQUES IN POLITICAL VIDEO ADVERTISING DURING THE VIII STATE DUMA ELECTION CAMPAIGN

I.A.Kholina, G.V.Lukyanova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

E-mail: yulikhl@mail.ru

Abstract: With the development of means and techniques of political communication, the emergence of new channels and the increased use of political advertising technologies, the use of manipulative techniques increases. The aim of this study is to identify the specifics of the use of manipulative techniques in political advertising during the election campaign to the 8th State Duma. The study identified 6 clusters with a set of manipulation techniques used in the video advertising of political parties: «Outsiders and negative manipulation techniques», «Appeal to numbers by parliamentary parties», «Controversial credibility», «Negative by anonymous» and «Design and technical component».

Keywords: Political video ads, election spots, political advertising, elections, election campaign, manipulation techniques, manipulation

ГРНТИ 11.01.11

ЦИФРОВОЙ ВИГИЛАНТИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН: МЕХАНИЗМЫ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СООБЩЕСТВ

А.В. Волкова, Г.В. Лукьянова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

AV.Volkova@rambler.ru, g.lukiyanova@spbu.ru

Аннотация: Статья продолжает цикл работ, посвящённых исследованию вигилантизма в контексте политики цифровой трансформации, расширения возможностей гражданского участия и проблем манипулирования общественным мнением. Цель исследования – определить роль цифрового вигилантизма в контексте информационных войн. В условиях нарастания и расширения информационных войн, именно ценностное и нормативное поля, воздействие на которые оказывают вигилантские практики, в условиях взаимопересечения национальных коммуникативных пространств являются сферой влияния разных игроков, в т.ч. различных геополитических акторов. Яркость, образность, доступность визуального и текстового контента социальных сетей делает вигилантские сетевые группы сверхидеологическим цифровым сообществом, готовым к внешнему манипулированию и управлению, что заставляет

задуматься о барьерах социальному и психоскоринговому программированию со стороны внешних игроков.

Ключевые слова: *Цифровой вигилантизм, публичная политика, гражданское общество, гражданское участие, публичные ценности, сетевое общество, информационные войны*

Введение

Цифровой вигилантизм – феномен, предполагающий скоординированные действия гражданских групп в виртуальном пространстве в ответ на мнимые или реальные действия и угрозы третьих лиц или моральное возмущение в отношении события, которое было зафиксировано и передано через мобильные устройства, через социальные платформы [3, С.55]. Цифровой вигилантизм может быть назван новым направлением в отечественной политической науке. Известно, что цифровой вигилантизм может выступать как элемент гражданского общества, продвигая в сети такие публичные ценности как ответственность, участие, открытость, сотрудничество и др., и как пример проявления практик «негражданского» общества. Претендуя на роль значимого субъекта формирования публичных ценностей, они зачастую используют агрессивные, граничащие с экстремистскими формы социального взаимодействия [4].

Теоретическая рамка исследования

Критическая оценка зарубежных подходов к исследованию цифрового вигилантизма позволяет представить его уточненный концепт с учетом российских реалий и практик онлайн-поведения в интернет-пространстве в контексте развития отношений государства и общества. Анализ исторических примеров вигилантизма в различных странах делает возможным выявить два основных сценария развития таких гражданских инициатив. Британские «охотники за головами» в XIX в., действовали на условиях сотрудничества с государственными структурами и реализовывали их «мандат на насилие», который был и легитимен, и легален в условиях того времени. Практика внесудебных расправ, обусловленных, преимущественно, расовым или экономическим мотивами (суд Линча) в Американских штатах, формировала альтернативную государственной линии власти, параллельную реальность со своими институтами. Линчеватели подменяли всю систему осуществления правосудия (от поиска преступников, их осуждения до приведения приговоров в исполнение), руководствуясь не правовыми нормами, а субъективно понимаемой справедливостью или «общим благом».

Анализ современной научной литературы показал, что наиболее подробно вигилантизм анализировался специалистами в области уголовного права и криминологами и на современном этапе этот подход остается доминирующим [12].

Однако в ходе исследования было выявлено, что европейский взгляд на вигилантизм (и цифровой вигилантизм, в частности) за последнее десятилетие меняется: проблема признается междисциплинарной и обсуждение переходит в область политических наук, философии, социологии) [10, 14]. В Европе осуществляются крупные научные проекты, направленные на изучение практик наблюдения за общественной жизнью, но при этом проблемы вигилантизма в контексте формирования публичных ценностей не рассматриваются. Неисследованными остаются и проблемы гендерного измерения вигилантизма, особенности экономических аспектов этого вида гражданской активности, проблемы латентного вигилантизма и роль “третьих мест” в развитии движения. Пограничной темой выступает феномен политического насилия со стороны этих групп населения. Этому, в частности, посвящены работы, связанные с политическим процессом в африканских и латиноамериканских государствах [14].

Полемика современных зарубежных исследователей-обществоведов разворачивается вокруг базового понимания этих сообществ: констатация «антидемократической сущности» вигилантов или «плюралистический подход» (сосуществования и противоборства «гражданского» и «антигражданское» обществ).

Исследование новейшей научных публикаций показало, что в современной зарубежной науке явно прослеживается тенденция политизации вигилантизма: американцев и европейцев беспокоит организационный и мобилизационный потенциал движения, что наблюдается, например, при оценке опыта сетевой активности в период президентской кампании в США [11, 17].

Исследование показало, что некоторые из гипотез, предложенных западноевропейскими исследователями, относительно деятельности “традиционных” вигилантов могут быть признаны универсальными и справедливыми в отношении цифрового вигилантизма сегодня, а именно:

- Вероятность того, что люди примут участие в актах самосуда, возрастает, когда предполагаемые нарушения моральных императивов вызывают в них праведный гнев и страх, которые мобилизуются и направляются через ритуалы.

- Вероятность того, что люди превратят эти эмоции в насилие посредством ритуалов самообороны, возрастает, когда легитимность государственных структур (правоохранителей) снижается и власти поощряют действия самообороны и самосуда [10].

Примечательно, что в последние годы явно прослеживается рост интереса зарубежных ученых к исследованию кейсов российских вигилантских движений. При этом в отношении российских вигилантов наблюдается стремление к обострению, сгущению красок и явная политизация темы. Расплывчатость в интерпретации концепта вигилантизма и дискуссионное отношение к данному феномену в зарубежных исследованиях, позволило ряду авторов использовать его в качестве негативного маркера любых социально-политических процессов в России - от государственных мер по регулированию сетевого пространства до гражданских инициатив по выработке публичных ценностей и закреплению действующих правовых норм [13]. Нельзя не признать, что хотя ряд фактов, проанализированных в данных работах соответствуют действительности и способствует пониманию российского вигилантизма, однако, идеологизированное освещение проблем и «маркировка» движений, формирует упрощенную картину распространения вигилантизма в России. В то же самое время, российские авторы демонстрируют недостаточным вниманием к проблеме в силу новизны термина [9, 16].

Цель и методы исследования

Цель исследования – определить роль цифрового вигилантизма в контексте информационных войн. В исследовании были использованы: латентное размещение Дирихле (Latent Dirichlet allocation, LDA), анализ коллокаций (collocation analysis), дискурс-анализ, количественно-качественный контент-анализ, кластерный анализ и сетевой анализ. При формировании выборки исследования авторы руководствовались наличием у вигилантского движения странички с активным комментированием пользователей в социальной сети «ВКонтакте» и канала Youtube. При помощи API (application programming interface) «ВКонтакте» была осуществлена выгрузка постов и комментариев за последние два года (сентябрь 2019 – сентябрь 2021) следующих вигилантских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» («СтопХам», «Лев Против», «Хрюши против», «Трезвый двор», «Антидилер», «Сорок сороков», «Яжертва»). Дополнительно с помощью API Youtube были отобраны наиболее популярные видео, опубликованные в тот же временной период, что и в Вконтакте, на каналах вигилантских сообществ («СтопХам», «Лев Против», «Хрюши против», «Трезвый двор», «Сорок сороков»), собраны их текстовые расшифровки и оставленные пользователями комментарии.

Основная часть

Вигилантизм обладает высоким конфликтогенным потенциалом и способен выступать как своеобразным «клапаном» регулирования общественного недовольства, так и фактором эскалации конфликта [6, 7]. Он возникает как конфликт – реакция на реальное или мнимое нарушение статус-кво, и существует как конфликт – реализация наказания нарушителя и продуцирование закрепляющих нормы практик, которое находит выражение в санкциях. Вот почему роль этого крайне противоречивого и неоднозначного

неформализованного института сетевого гражданского общества, регулирующего с помощью различных тактик онлайн активности (нейминг, шейминг и др.) поведение граждан, многократно возрастает в условиях развития информационных войн, когда имеет место демонстрация «активности значительного числа субъектов глобальной политики, связанной с попытками доминирования в сетевом пространстве и монополизации информационно-коммуникационной инфраструктуры в интернете на глобальном уровне» [5, С.19]. Ведь такая сетевая активность может как дополнять недостаточно эффективную деятельность органов власти, так и узурпировать государственные функции, вплоть до присвоения права на легитимное насилие.

Сегодня цифровой vigilantизм в реализации дискурсивных практик ориентируется как на сложившиеся национальные ценности, так и на подвижные «универсальные» ценности, иллюстрируемые феноменом «новой этики»[8]. Солидаризуясь с целью правоохранительных органов, но действуя самостоятельно, без согласования конкретных мероприятий, цифровые vigilantы, тем не менее, формируют идеологию охранительства моральных ценностей населения в группах поддержки. Отличие средств vigilantизма и цифрового гражданского участия, предлагаемого идеологией «государства как платформы», заключается, на наш взгляд, в роли гражданина. Если платформенное взаимодействие, организуемое системой публичной власти, предлагает человеку роль «ответственного информатора» (авторизация, ответственность за предоставление ложной информации и т.д.), то vigilantизм привлекает роль самопровозглашенного полицейского, актора, предписывающего себе право на символическое или обычное насилие.

Масштабные общероссийские движения «СтопХам», «Лев Против», «Антидилер», «Хрюши», «Сорок сороков» имеют схожий генезис, публичных лидеров и могут быть охарактеризованы как лояльный vigilantизм (защищает закон, взаимодействует с правоохранительными органами, получает финансирование и не блокируется в сети). Исследованные в рамках проекта vigilantские группы, дублируют или подменяют деятельность конкретных формальных структур (полиции, Роспотребнадзора), они стараются держаться в рамках вспомогательного института, совершая редкие действия «замещающего» института в случае бездействия формальных структур. Ряд сообществ «бдительных граждан», действительно способно к взаимодействию с государством, однако в среде vigilantов прослеживаются тенденции к игнорированию государства и права. Речь идет о действиях, подменяющих легальное правосудие, не только нарушающих свободу других, но подчас создающих для «оппонентов» и «нарушителей» условия для физической расправы и внесудебных, внеправовых механизмов и деяний. Для системы публичной власти основная стратегия взаимодействия с подобными структурами – удержание их в рамках закона. Потенциал этих групп может быть использован для продвижения и поддержки государственных инициатив.

Важно, что vigilantские сообщества общероссийского (федерального) масштаба задают тон и институциональные рамки движения, порождают плеяду подражателей на региональном и муниципальном уровнях: так возникают организованные в интересах локальных сообществ, но копирующие стиль федеральных проектов («ДНД. Муринский патруль», «Петергоф патруль» и др.). Работа с подобными структурами и может (и должна вестись) вестись региональными и муниципальными структурами. К другому типу сообществ относятся ситуативные vigilantские сообщества, чье возникновение и институциональный дизайн обусловлены возникшей проблемой, как правило острой и имеющей широкий охват [7]. Таким образом самоорганизовывались в сетях бдительные граждане в период обострения ситуации с COVID-19 (общественные наблюдатели и гражданские патрули).

На примере российских цифровых vigilantских движений («СтопХам», «Лев против», «Антидилер», «Хрюши против», «Сорок Сороков» и др.) можно убедиться, что даже новейшие, инновационные формы гражданской активности не свободны от гендерных

стереотипов. Актив российских вигилантских сообществ составляют молодые люди (мужчины 18-35 лет), женщины наиболее активны в тех вигилантских группах, которые обозначены организаторами мужчинами как «женские» (Сестричество в «Сорок сороков»), или в тех сообществах, которые связаны с такими традиционно женскими вопросами как быт (домашний очаг) или здоровье детей [2]. Таким образом, внедрение цифровых технологий, которое еще десять лет назад казалось вспомогательным технико-технологическим направлением, а сегодня начинает определять способ мышления и логику восприятия процессов управления, не снимает проблему сохранения гендерной асимметрии и наследования устойчивых культурных стереотипов о соотношении «женского» и «мужского» в публичном пространстве России.

В условиях нарастания и расширения информационных войн, именно ценностное и нормативное поля, воздействие на которые оказывают вигилантские практики, в условиях взаимопересечения национальных коммуникативных пространств являются сферой влияния разных игроков, в т.ч. различных геополитических акторов. А учитывая, что трансформация системы социальных ценностей в России далека не только от завершения, но и стабилизации, и участие государства в качестве регулятора рамок этой системы является неизбежным.

Можно с уверенностью утверждать, что регулирование вигилантизма в России в 2010-2021 гг. позволило последовательно реализовать модель «управляемого вигилантизма», в рамках которой была введена апробированная и введена система гибких запретов на потенциально опасные вигилантские институциональные движения (или блокирование в сетях), регулирование (с помощью финансовых стимулов и штрафов) деятельности «полезных» вигилантских движений, что минимизировало риски их радикализации [8, 15]. Это позволило, с одной стороны, делегировать право на закрепление социальных норм на уровень общества и сформировать конвенциональные практики поведения, а с другой регулировать и контролировать как механизмы институционализации практик, так и ценностные рамки акторов вигилантизма. Таким образом для системы публичной власти оказалась открыта возможность взаимодействия с такими движениями (как в онлайн, так и в оффлайн форматах), а российский институциональный вигилантизм получил функций дополняющего неформального института (либо в редких случаях замещающего), а не конкурирующего, что означает совпадение целей публичных институтов и вигилантских движений.

Разворачивающиеся сегодня информационные войны ведут к усилению институтов мягкой силы как проводника ценностей и идей, отстаивания позиций в глобальном мире. А цифровой вигилантизм, не решая социальных проблем, может выполнять рекреативную функцию для незащищенных слоев населения, не получающих социального признания. Динамизм вигилантских групп содержится в рекрутинге новых членов в командные действия по четко разработанным сценариям («смотри, распространяй, поддерживай»); руководители групп контролируют состояние сети, ее эмоциональный настрой и устойчивость [1]. Исследованные российские группы избегали политических тем, однако за счет новизны и радикальности деклараций и планов эти группы в социальных сетях могут привлекать существенные силы, что не исключает возможность бороться за доступ к политическому влиянию, включая и политическое насилие. Новые темы политической повестки немедленно оказались востребованными некоторыми сообществами (<https://www.youtube.com/watch?v=xfljKVKSatg>). Безусловно, яркость, образность, доступность визуального и текстуального контента социальных сетей делает вигилантские сетевые группы сверхидеологическим цифровым сообществом, готовым к внешнему манипулированию и управлению, что заставляет задуматься о барьерах социальному и психоскоринговому программированию со стороны внешних и недружественных игроков.

Выводы

Для России проблема формирования публичных ценностей и общественных норм, неформальных институтов и конвенциональных практик социального поведения

наталкивается на несформированность гражданского общества. На протяжении десятилетия для массовой аудитории группы управляемого вигилантизма выполняли, скорее, функцию снятия напряжения или рекреативную функцию. Существование таких вигилантов подтверждает, что власть признает наличие конфликтных ситуаций, которые не разрешаются в рамках формальных институтов, но могут быть временно разрешены на уровне взаимодействия между отдельными гражданами. Создание групп, готовых соблюдать общие принципы правил игры, и навязывать общие ценности с лишь небольшими, эпизодическими формальными нарушениями буквы закона становится работающей моделью управляемого вигилантизма.

Вигилантизм как, социальный феномен, является и будет являться специфической формой гражданской активности и вовлечения в публичность для определенных групп населения, но эта активность не должна оставаться бесконтрольной, а технологии и практики социальной инженерии должны быть ориентированы с учетом ментальности россиян. Следует учесть, что бесконтрольное развитие активности функционирование вигилантских групп приводит к возникновению подражателей, которые стремятся перенести их опыт в другие сферы.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ ЭИСИ 21-011-31445 «Цифровой вигилантизм и практики формирования публичных ценностей: захват сетевого гражданского общества?»

Список источников

1. Будко Д. А., Волкова А. В., Кулакова Т. А. Цифровой вигилантизм: экономический ракурс // Проблемы современной экономики. 2022. №. 1. С. 83-87.
2. Волкова А. В., Лукьянова Г. В., Кулакова Т. А. Гендерное измерение цифрового вигилантизма в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №. 1. С. 120-135.
3. Волкова А. В., Лукьянова Г. В., Мартьянов Д. С. Цифровой вигилантизм: стратегии захвата сетевого гражданского общества // Возможности и угрозы цифрового общества. 2021. С. 53-58.
4. Волкова А. В., Лукьянова Г. В., Мартьянов Д. С. Цифровой вигилантизм: Поведенческие паттерны и ценностные ориентации // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. №. 2. С. 37-52.
5. Володенков С.В., Митева В.В. Сетевые информационные войны в современных условиях: основные акторы и стратегии // PolitBook. 2016. № 3. С. 18-35
6. Кулакова Т. А., Волкова А. В., Будко Д. А. Конфликты «эпохи цифрового вигилантизма» // КОНФЛИКТОЛОГИЯ. 2021. Т. 16. №. 4. С. 9-27.
7. Лукьянова Г. В., Мартьянов Д. С. Спонтанный вигилантизм и конфликтогенный потенциал повседневного интернет-дискурса // Конфликтология/nota bene. 2022. №. 1. С. 32-47.
8. Мартьянов Д. С., Лукьянова Г. В., Волкова А. В. «Управляемый вигилантизм»: через ценностный конфликт к установлению норм? // Конфликтология. 2022. Т.17. №. 1. С. 23.
9. Симонова И.А., Порозов Р.Ю. Молодежный вандализм как вигилантизм: российская специфика «стратегий бдительности» // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10. С. 467-469
10. Asif, M. and Weenink, D. (2019) Vigilante rituals theory: A cultural explanation of vigilante violence, *European Journal of Criminology*, November, pp. 1–20. doi.org/10.1177/1477370819887518
11. Bateson, R. (2021) The Politics of Vigilantism, *Comparative Political Studies*, vol. 54, no. 6, pp. 923–955. doi:10.1177/0010414020957692 : 923

12. Dunsby R.M., Howes L.M. The NEW adventures of the digital vigilante! Facebook users' views on online naming and shaming // Australian and New Zealand Journal of Criminology. 52(1). 1 March 2019. P. 41-59
13. Gabdulhakov Rashid (2020) (Con)trolling the Web: Social Media User Arrests, State-Supported Vigilantism and Citizen Counter-Forces in Russia, *Global Crime*, 21:3-4, 283-305
14. Kyei, J. R. K. O., Berckmoes, L. H. (2021) Political Vigilante Groups in Ghana: Violence or Democracy? *Africa Spectru*, vol. 55, no. 3, pp. 321–338. doi:10.1177/0002039720970957
15. Martyanov, D. S., & Lukyanova, G. V. (2022). Managed cyber-vigilantism: Stopxam between collaboration and competition. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(1), 145-163.
16. Shukan I. Defending Ukraine at the rear of the armed conflict in Donbas: wartime vigilantism in Odessa (2014-2018) // *Laboratorium: Russian Review of Social research*. 2019. №3. C. 71-104
17. Ward, M. (2020) Walls and Cows: Social Media, Vigilante Vantage, and Political Discourse, *Social Media + Society*, vol. 6, no. 2, pp. 1–4.

DIGITAL VIGILANTISM IN THE CONTEXT OF INFORMATION WARS: MECHANISMS AND FACTORS OF COMMUNITY FORMATION

A.V. Volkova, G.V.Lukyanova
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
AV.Volkova@rambler.ru

Abstract: *This article continues the series of works devoted to the study of vigilantism in the context of the politics of digital transformation, empowerment of civic participation and the problems of manipulation of public opinion. The aim of the study is to determine the role of digital vigilantism in the context of information wars. In the context of growing and expanding information wars, it is the value and normative fields, which are influenced by vigilante practices, in the context of the intersection of national communication spaces, are the sphere of influence of different players, including different geopolitical actors. The vividness, imagery, and accessibility of visual and textual content of social networks makes vigilante network groups a super ideological digital community, ready for external manipulation and control, which makes us think about the barriers to social and psychosocial programming by external players.*

Keywords: *Digital vigilantism, public policy, civil society, civic participation, public values, network society*